

Маленькие женщины

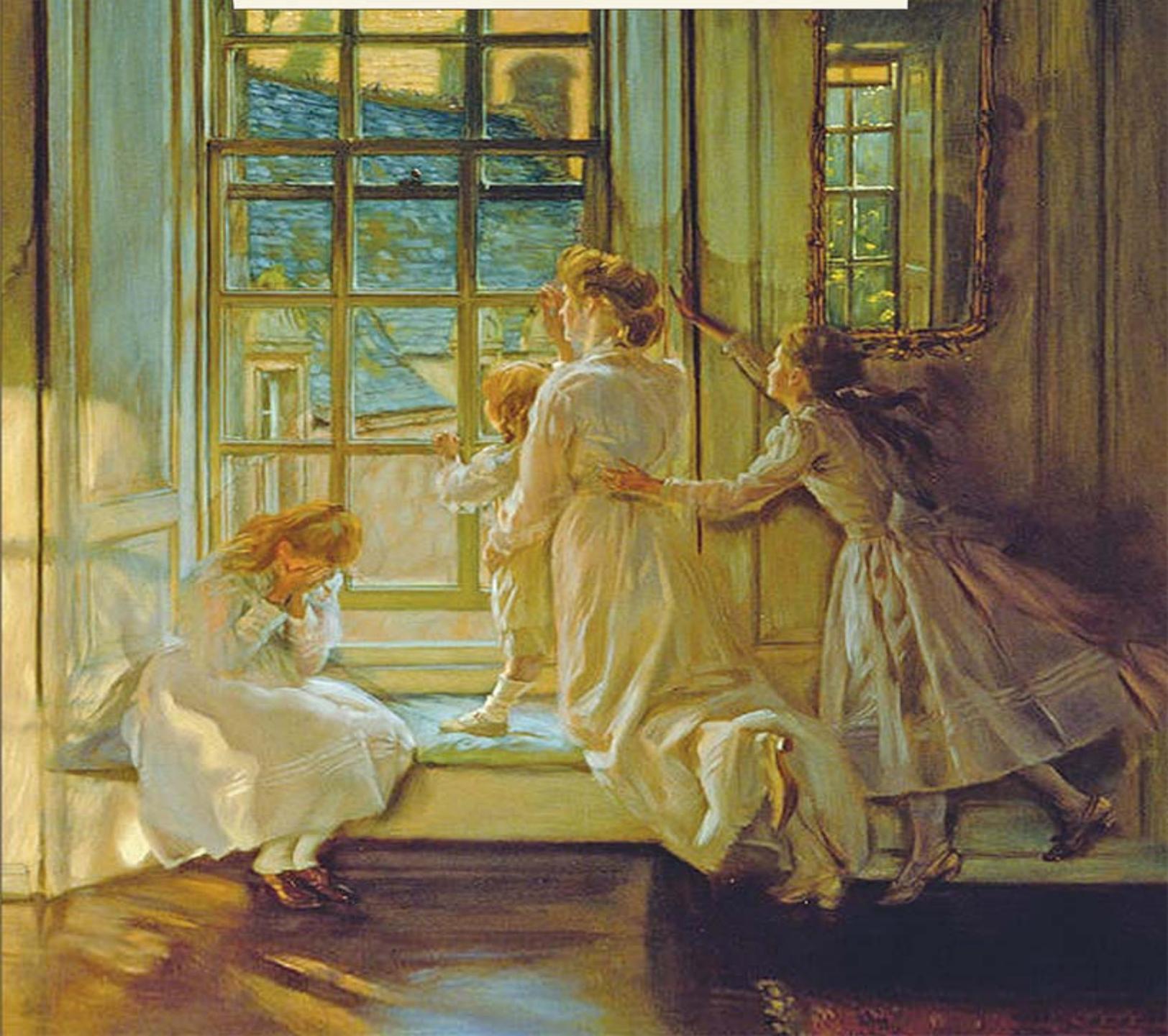
В каждой из юных сестер Марч было что-то особенное. Серьезная не по годам красавица Маргарет, неунывающая Джо, добросердечная Бет и очаровательная Эми. Они стали друг для друга крепкой опорой и поддержкой, когда их отец отправился на войну. Все радости делились на четырех. Все горести — тоже. Но беззаботное детство сменяется новыми взрослыми проблемами и чувствами. И не все уже можно поделить на четырех. Особенно если речь идет о любви — первой и пылкой, манящей и опьяняющей...

На работу над «Маленькими женщинами» ушло всего три месяца. Книга мгновенно обрела невероятную популярность и принесла автору литературную славу. Сюжет книги был основан на воспоминаниях о взрослении Луизы Мэй Олкотт в обществе трех сестер.

В книге также представлено произведение «Хорошие жены».

Луиза Мэй
Олкотт

*Маленькие
женщины*

Louisa May
Alcott

Little Women

A Novel

Луиза Мэй
Олкотт

*Маленькие
женщины*

Роман

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-6423-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с английского Анатолия Михайлова

В оформлении обложки использована картина Дж. Г. Лоримера «Полет ласточек»

Дизайнер обложки IvanovITCH

Электронная версия создана по изданию:

У кожній з юних сестер Марч було щось особливе. Серйозна, як на свій вік, красуня Маргарет, завжди весела Джо, добросерда Бет і чарівлива Емі. Вони стали одна для одної міцною опорою і підтримкою, коли їхній батько пішов на війну. Усі радощі ділили на чотирьох. Усі прикрощі — теж. Але безтурботне дитинство змінюється дорослими проблемами й почуттями. І не все вже можна поділити на чотирьох. Особливо коли мова йде про кохання — перше й палке, спокусливе і п'янке...

Олкотт Л. М.

О-54 Маленькие женщины : роман / Луиза Мэй Олкотт ; пер. с англ. А. Михайлова.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 576 с.

ISBN 978-617-12-4763-5

В каждой из юных сестер Марч было что-то особенное. Серьезная не по годам красавица Маргарет, неунывающая Джо, добросердечная Бет и очаровательная Эми. Они стали друг для друга крепкой опорой и поддержкой, когда их отец отправился на войну. Все радости

делились на четырех. Все горести — тоже. Но беззаботное детство сменяется новыми взрослыми проблемами и чувствами. И не все уже можно поделить на четырех. Особенно если речь идет о любви — первой и пылкой, манящей и опьяняющей...

УДК 821.111

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Часть первая

Маленькие женщины

Глава первая

— Нет, Рождество без подарков — это не Рождество, — лежа на ковре, жалобно протянула Джо.

— Как плохо быть бедной! — вздохнула Мег, окидывая взглядом свое старое платье.

— Это нечестно — когда у одних девочек много красивых вещей, а у других вообще ничего нет, — обиженно шмыгнув носом, подхватила малышка Эми.

— Зато у нас есть папа и мама и мы все есть друг у друга, — с довольным видом возразила из своего угла Бет.

При этих словах четыре юных личика, на которых играли отблески пламени, просветлели, но тут же омрачились вновь, когда Джо уныло заявила:

— Папы нет и не будет еще долго.

Она не добавила: «Быть может, вообще никогда», — хотя каждая подумала именно об этом, вспоминая отца, находящегося сейчас далеко отсюда, там, где шли бои.

Несколько мгновений все молчали, а потом Мег заговорила уже совсем другим тоном:

— Вы знаете, почему мама предложила не дарить друг другу подарков на это Рождество. Зима обещает быть нелегкой для всех. Мама полагает, что мы не должны тратить деньги на всякие глупости, в то время как наши мужчины терпят лишения на войне. От нас мало что зависит, но и мы можем пожертвовать тем немногим, что имеем, причем должны сделать это с радостью. Боюсь только, что это выше моих сил. — И Мег горестно покачала головой, представляя себе красивые вещи, иметь которые ей так хотелось.

— Не думаю, что та малость, которую мы можем истратить на подарки, что-либо изменит. У каждой из нас есть всего лишь по одному доллару. Вряд ли мы так уж сильно поможем армии. Я согласна не ожидать ничего от мамы или от вас, зато по-прежнему хочу

купить себе «Унди́ну» и «Синтрама» ¹. Я давно об этом мечтала, — сообщила Джо, которая была заядлым книголюбом.

— А я собиралась потратить свой доллар на новые ноты, — призналась Бет со вздохом, таким тихим, что его расслышали лишь каминная щетка да крюк для чайника.

— А я куплю себе новую коробку цветных карандашей. Без них я как без рук, — решительно заявила Эми.

— Мама ни словом не обмолвилась по поводу наших денег; она не желает, чтобы мы чем-нибудь жертвовали. Давайте купим то, что хочется каждой из нас, и устроим маленький праздник. Полагаю, своим тяжким трудом мы это заслужили! — выпалила Джо, окидывая взглядом задники своих туфель.

— Я так уж точно. Знали бы вы, каково это — каждый день учить этих несносных детей, тогда как на самом деле мне хочется остаться дома и побездельничать, — жалобно произнесла Мег.

— Тебе далеко не так тяжело, как мне! — воскликнула Джо. — Хотела бы я посмотреть, как бы тебе понравилось часами сидеть со вздорной и суетливой старухой, которая не дает никому ни минуты покоя, вечно всем недовольна, да еще и изводит тебя до такой степени, что ты готова бежать от нее куда глаза глядят.

— Конечно, жаловаться нехорошо, но мне думается, что самая гадкая работа на свете — это мыть посуду и прибираться. От этого у меня портится характер, а руки становятся деревянными и я не могу сыграть ни одной гаммы. — Бет взглянула на свои ладошки с загоревшей кожей и так громко вздохнула, что на сей раз этот звук услышали все присутствующие.

— Мне приходится тяжелее всех! — вскричала Эми. — Вам-то не нужно ходить в школу и общаться с этими задаваками-девчонками, которые ябедничают, если ты не выучишь уроки, и смеются над твоими платьями, и клеймят твоего отца, если он не богат, и потешаются над твоим носом, если он неправильной формы.

— Наверное, ты хотела сказать не «клеймят твоего отца», а «клеветают на твоего отца». Ведь папа — не банка с солеными огурцами, — со смехом заметила Джо.

— Я сказала именно то, что хотела сказать, и вовсе не обязательно надо мной издеваться. Необходимо расширять свой словарный запас и использовать правильные слова, — с достоинством возразила Эми.

— Не ссорьтесь, девочки. Джо, разве тебе не хотелось бы, чтобы у нас были деньги, которые потерял папа, когда мы были маленькими? Господи боже мой! Какими бы счастливыми и добрыми мы были, если бы беды обошли нас стороной! — воскликнула Мег, которая помнила лучшие времена.

— Да ведь ты сама совсем недавно говорила, что мы живем намного счастливее тех же Кингов, которые все время дерутся и безобразничают, несмотря на все свое богатство.

— Так и есть, Бет. И я до сих пор так думаю. Пусть мы вынуждены трудиться в поте лица, зато нам хорошо и весело вместе, да и вообще мы — славная компания, как сказала бы Джо.

— Джо часто использует ужасные слова! — заметила Эми, с упреком покосившись на долговязую сестру, простершуюся на ковре.

Та тут же села, сунула руки в карманы и принялась насвистывать.

— Перестань, Джо. Ты ведешь себя как мальчишка!

— Совершенно верно.

— Я презираю грубых, невоспитанных девочек!

— А я ненавижу жеманных задавак!

— Как славно уживаются птенцы в одном гнезде, — насмешливо пропела Бет, скорчив такую смешную рожицу, что оба резких, пронзительных голоса смягчились.

В конце концов все завершилось смехом и перебранка прекратилась.

— Честное слово, девочки, так нельзя, — заявила Мег и на правах старшей сестры принялась читать нотацию: — Ты уже достаточно взрослая, Джозефина; тебе пора забыть о мальчишеских выходках и вести себя достойно. Когда ты была маленькой, на это никто не обращал внимания, но теперь ты выросла, уже укладываешь волосы в прическу, и потому тебе не следует забывать о том, что ты — юная леди.

— Ничего подобного! А если я и становлюсь ею оттого, что собираю волосы на затылке, то уж лучше я буду заплетать их в косички до тех пор, пока мне не исполнится двадцать! — воскликнула Джо, срывая с головы сеточку, и густые каштановые волосы водопадом обрушились

ей на плечи. — Мысль о том, что я должна повзрослеть, превратиться в мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть надутый как индюк, мне ненавистна! С меня хватит и того, что я — девчонка, а ведь мне нравятся игры мальчишек, их дела и манеры! Как я жалею о том, что не родилась одним из них! Особенно теперь, когда мне до смерти хочется отыскать папу и сражаться с ним плечом к плечу. А вместо этого я вынуждена сидеть дома и вязать, будто какая-то дряхлая старуха!

И Джо с такой силой трянула синим солдатским чулком, что спицы застучали, словно кастаньеты, а моток пряжи покотился по комнате.

— Бедная Джо! Увы, тут уж ничего не поделаешь. Довольствуйся тем, что твое имя произносят на мальчишеский лад и воспринимают тебя как братика для всех нас, девчонок, — сказала Бет и погладила сестру по ершистой головке рукой, которая была очень нежной, несмотря на мытье посуды и бесконечную уборку.

— Что же до тебя, Эми, — подхватила Мег, — ты и так чересчур привередлива и чопорна. Сейчас смотреть на твои ужимки просто смешно, но помани мое слово: если так пойдет и дальше, ты вырастешь маленькой жеманной гусыней. Мне нравятся твои утонченные манеры и изысканная речь, особенно когда ты не стремишься выглядеть элегантно. Однако твои нелепые словечки ничуть не лучше вульгаризмов и жаргонизмов Джо.

— Если Джо — сорванец, а Эми — гусыня, то кто же, по-твоему, я? — спросила Бет, явно напрашиваясь на комплимент.

— Ты просто лапочка, — ласково отозвалась Мег, и никто не посмел ей возразить, ведь Мышка была всеобщей любимицей.

Поскольку юным читателям наверняка интересно, как выглядят наши героини, мы воспользуемся случаем и дадим общее представление о четырех сестрах, которые сидели и вязали в сгущающихся декабрьских сумерках. За окнами тихо падал снег, а в очаге жизнерадостно потрескивали поленья. Комната выглядела уютной, хотя ковер выцвел и поблек, а мебель была довольно простой и незамысловатой. На стенах висела пара картин, которые радовали глаз, стенные ниши были заполнены книгами, на подоконниках цвели хризантемы и «роза Христа» ² — в общем, в доме царила приятная атмосфера покоя и умиротворения.

Маргарет, старшей из сестер, уже исполнилось шестнадцать. Она была настоящей красавицей — пухленькая, большеглазая, с копной мягких светло-каштановых волос, полными губками и белыми ручками, которыми она очень гордилась.

Пятнадцатилетняя Джо отличалась высоким ростом и хрупким телосложением; у нее была смуглая кожа. Девушка походила на жеребенка; складывалось впечатление, что она не знает, куда девать свои длинные руки и ноги. В очертаниях ее губ сквозили твердость и даже упрямство; носик был маленьким и забавным. Острые серые глаза все подмечали, и в них отражалось то ожесточение, то веселье, то задумчивость. Единственным украшением Джо были длинные густые волосы, которые она собирала в пучок, чтобы они ей не мешали. А еще у нее были сутулые плечи, крупные ладони и ступни. Джо довольно небрежно одевалась и держалась скованно, как это свойственно девушкам, которые быстро превращаются в женщин и которым эти перемены совсем не нравятся.

Элизабет, или Бет, как величали ее домашние, было тринадцать. Это была розовощекая девушка с ясными глазами и гладкими волосами, застенчивая, робкая; с ее лица не сходило умиротворенное выражение. Отец называл ее «Маленькая Мисс Безмятежность», и это прозвище прекрасно ей подходило: создавалось впечатление, будто Бет живет в собственном счастливом мире, покидая его лишь для того, чтобы встретиться с теми, кому она доверяла и кого любила.

Впрочем, главной у них была Эми, младшая; по крайней мере, сама она считала именно так. Настоящая Снегурочка с голубыми глазенками и золотистыми вьющимися волосами, ниспадавшими на плечи, стройная и прозрачно-светлая, она всегда вела себя как юная леди, которая помнит о правилах хорошего тона.

Что же до характеров четырех сестер, мы предоставим читателю самому судить об этом.

Часы пробили шесть; подметя золу возле очага, Бет поставила рядом с ним мамины домашние туфли, чтобы они согрелись. Каким-то непостижимым образом вид старой обуви оказал на девушек благотворное воздействие: он означал скорое появление матери, и они приободрились. Мег прервала нотации и зажгла лампу, Эми, не дожидаясь особого приглашения, выбралась из глубокого кресла, а

Джо, забыв об усталости, села и наклонилась, чтобы пододвинуть туфли поближе к огню.

— Они совсем износились. Маме нужна новая пара.

— Я собиралась купить ей новые домашние туфли на свой доллар, — сообщила Бет.

— Чур, это сделаю я! — запротестовала Эми.

— Я — старшая... — начала было Мег, но ее решительно прервала Джо:

— Теперь, когда нет папы, единственный мужчина в семье — это я, и потому туфли для мамы куплю я, ведь он просил меня позаботиться о ней в его отсутствие.

— Вот что я вам скажу, — произнесла Бет, — пусть каждая из нас подарит маме что-нибудь на Рождество, а мы сами уж как-нибудь обойдемся без подарков.

— Ты — умница, дорогуша! — воскликнула Джо. — И что же мы ей подарим?

Сестры ненадолго задумались, подойдя к этому вопросу со всей серьезностью, а потом Мег провозгласила с таким видом, словно эту идею подсказало ей созерцание собственных рук:

— Я куплю ей перчатки.

— Армейские башмаки, лучшие, какие только можно приобрести за деньги! — выпалила Джо.

— Несколько подрубленных носовых платков, — произнесла Бет.

— Я подарю маме флакон одеколona. Он ей нравится, да и стоит недорого, так что мне останется еще кое-что на карандаши, — сказала Эми.

— И как мы все это вручим? — осведомилась Мег.

— Сложим подарки на столе, а потом попросим маму войти в комнату и развернуть пакеты, — ответила Джо. — Помните, как мы делали это на наши дни рождения?

— Мне всегда было страшно с короной на голове садиться в кресло, а потом смотреть, как вы входите в комнату, чтобы вручить мне подарки и поцеловать, — призналась Бет, подрумянивая над огнем гренок к чаю, а заодно и свое личико. — Нет, мне нравятся знаки внимания и поцелуи, но то, как вы сидите и смотрите на меня, пока я разворачиваю пакеты, повергает меня в ужас...

— Пусть мама думает, что мы покупаем подарки для себя, а потом мы сделаем ей сюрприз. Но за покупками надо идти уже завтра после полудня, Мег. Нам ведь еще предстоит отрепетировать рождественское представление, — сказала Джо; она поднялась с пола и теперь с важным видом расхаживала по комнате, заложив руки за спину и задрал нос к потолку.

— Пожалуй, я сыграю свою роль в последний раз. Я уже слишком взрослая для подобных забав, — заметила Мег, в душе которой веселые переодевания по-прежнему вызывали ребяческий восторг.

— А вот я уверена, что ты ни за что не откажешься и дальше шествовать по сцене в длинном белом платье, распустив волосы и надев драгоценности из золотистой бумаги. Ты — лучшая актриса из всех нас, и, если покинешь сцену, это будет означать конец всему, — сказала Джо. — А теперь давайте репетировать. Иди-ка сюда, Эми; притворись, будто падаешь в обморок, а то ты прямо как деревянная.

— Ничего не могу с собой поделать. Я еще ни разу не видела, как падают в обморок, а ходить в синяках мне совсем не хочется, особенно когда я смотрю на то, как ты валишься на пол. Возможно, мне удастся аккуратно присесть, а затем прилечь. А если нет, то я притворюсь, будто лишилась чувств, и упаду в кресло. И пусть Гуго грозит мне пистолетом, мне все равно, — огрызнулась Эми, которая была начисто лишена актерских талантов, но принимала участие в представлении, потому что была достаточно маленькой для того, чтобы ее, кричащую и брыкающуюся, мог унести на плече главный злодей.

— Делай, как я тебе говорю. Стисни руки вот так, перед грудью, и нетвердой походкой иди в дальний угол, причитая: «Родриго, спаси меня! Спаси!» — И Джо тут же продемонстрировала, что нужно делать, испутив мелодраматический вопль, от которого у присутствующих по коже пробежали мурашки.

Эми последовала ее примеру, но руки перед собой выставила совершенно неестественно; походка у нее получилась неровной, как у марионетки, да и «о-ох!» она выкрикнула так, словно укололась булавкой, а не терзалась душевной болью и страданиями. Джо испустила стон отчаяния, Мег громко расхохоталась. У Бет подгорел гренок, пока она с интересом наблюдала за происходящим.

— Все репетиции насмарку! Но все-таки, когда придет время, постарайся сыграть как можно лучше и не вини меня, если зрители начнут смеяться. Теперь твоя очередь, Мег.

Далее события развивались вполне благополучно. Дон Педро бросил вызов целому миру, прочитав речь, изложенную на двух страницах, и ни разу не сбившись. Хейгар, ведьма, пробормотала жуткое заклинание над котлом, в котором варились жабы, и оно возымело страшное действие. Родриго мужественно разорвал сковывавшие его кандалы, а Гуго умер от угрызений совести и мышьяка, заходясь диким хохотом: «Ха! Ха!»

— Что ж, намного лучше, чем раньше, — заявила Мег, когда умерший злодей сел и принялся потирать ушибленные локти.

— Просто диву даюсь, Джо, как тебе удастся писать и ставить такие замечательные вещи. Ты у нас прямо Шекспир! — воскликнула Бет, которая твердо верила в то, что ее сестры наделены прямо-таки необыкновенными талантами.

— Не совсем, — скромно отозвалась Джо. — Я действительно считаю, что «Проклятие ведьмы», трагедия-опера, неплоха, но мне бы хотелось попробовать себя в «Макбете», если бы только мы сумели придумать потайной ход для Банко. Я всегда мечтала сыграть убийцу. «Что в воздухе я вижу пред собою? Кинжал, измышленный воображеньем?» ³ — тут же пробормотала она, выразительно закатывая глаза и хватая руками воздух, как делали знаменитые трагики, выступление которых она видела.

— Нет, это вилка для поджаривания гренков, на которую вместо хлеба нанизана туфля мамы. Театральные подмостки Бет! — вскричала Мег, и репетиция завершилась дружным взрывом хохота.

— Приятно видеть вас в столь веселом расположении духа, — прозвучал с порога радостный голос, и актеры вместе со зрителями обернулись, дабы приветствовать высокую даму, на лице которой были написаны материнская забота и любовь.

Хоть ее наряд и не отличался особой элегантностью, вид у этой женщины был весьма благородный, и девочки сочли, что серая накидка и старомодная шляпка украшают лучшую маму на свете.

— Ну, дорогие мои, как прошел сегодняшней день? У меня было очень много дел, надо было приготовить на завтра посылки, и потому прийти домой на обед я не успела. К нам никто не заходил, Бет? Как твое самочувствие, Мег? Джо, судя по твоему виду, ты устала до смерти. Иди и поцелуй меня, малышка.

Переменяя свои действия расспросами, миссис Марч сняла промокшую одежду, надела теплые домашние туфли и, опустившись в удобное глубокое кресло, привлекла к себе на колени Эми, готовясь сполна насладиться самыми счастливыми минутами переполненного заботами дня. Девочки засуетились вокруг, пытаясь создать уютную, теплую атмосферу, причем каждая по-своему. Мег принялась накрывать стол для чаепития, Джо принесла дрова и расставила стулья, со звоном роняя и переворачивая все, к чему прикасалась. Бет спокойно и деловито сновала между гостиной и кухней, а Эми раздавала указания, сложив руки на коленях.

Когда же все они расселись вокруг стола, миссис Марч, сияя от радости, сообщила:

— А у меня есть для вас подарок.

Быстрые светлые улыбки подобно лучикам солнца осветили лица сидящих за столом. Бет захлопала в ладоши, позабыв о том, что держит в руках печенье, а Джо с криком отбросила в сторону салфетку:

— Письмо! Письмо! Три раза «ура!» нашему папе!

— Да, я получила замечательное длинное письмо. Папа здоров и надеется, что переживет зиму куда лучше, нежели мы опасались. Он поздравляет нас с Рождеством, а вам, девочки, передает особенное послание, — сказала миссис Марч и похлопала себя по карману с таким видом, словно там у нее лежало настоящее сокровище.

— Поскорее доедай! Не засни над тарелкой, Эми! — воскликнула Джо, чуть не поперхнувшись чаем и уронив гренку маслом вниз прямо на ковер: девушке не терпелось поскорее добраться до главного угощения.

Бет перестала есть и тихонько забилась в укромный уголок в предвкушении чуда, терпеливо ожидая, пока остальные закончат ужинать.

— Думаю, папа поступил просто замечательно, отправившись на войну капелланом, пусть он и не подлежал призыву из-за возраста и слабого здоровья, — с теплом в голосе сказала Мег.

— Разве не говорила я вам, что хочу отправиться на фронт барабанщиком или маркитант... как он там называется? Да хоть сестрой милосердия, лишь бы быть рядом с папой и помогать ему! — с надрывом вскричала Джо.

— Наверняка не очень-то приятно спать в палатке, есть невкусную еду и пить из оловянной кружки, — вздохнула Эми.

— А когда он вернется домой, мамочка? — с дрожью в голосе осведомилась Бет.

— Еще не скоро, родная, разве что если заболит. Папа останется на фронте и будет честно исполнять свои обязанности так долго, как только сможет, и мы не станем просить его, чтобы он вернулся раньше, чем это будет возможно. А теперь идите сюда и послушайте, что он пишет.

Они все придвинулись к огню. Мать сидела в большом кресле, Бет примостилась у ее ног, Мег и Эми устроились на подлокотниках, а Джо встала позади кресла, где никто не смог бы разглядеть обуревавших ее чувств, если письмо окажется слишком трогательным. В эти нелегкие времена редкое послание с фронта не брало за душу, особенно если его отправлял отец. Что же до этого письма, то в нем почти ничего не говорилось о тяготах, которые пришлось перенести мистеру Марчу, об опасностях, с которыми он столкнулся, или о тоске по дому, с которой он боролся. Нет, его послание было бодрым и жизнерадостным, полным надежды, описаний веселых сценок из лагерной жизни и военных новостей, и лишь в самом конце отправитель позволил себе выразить отцовскую любовь и желание поскорее увидеть своих маленьких девочек, оставшихся дома.

— «...передай дочерям, что я очень их люблю, и поцелуй за меня. Скажи, что я думаю о них каждый день и молюсь каждую ночь; их привязанность служит мне единственной отрадой и утешением. Пройдет еще целый год, прежде чем мы увидимся, и это — очень долго, но напомни девочкам, что трудиться нужно и во время ожидания, дабы не пропали напрасно даже эти нелегкие дни. Я знаю, наши дочери помнят все, что я им говорил. Они будут дарить тебе

свою любовь, честно исполняют свой долг, храбро сражаются со своими злейшими врагами и покроют себя такой славой, что, вернувшись, я буду еще сильнее гордиться своими маленькими женщинами и любить их».

На этом месте присутствующие дружно зашмыгали носами. Джо ничуть не стыдилась огромной слезы, сорвавшейся с кончика ее носа, а Эми не обратила внимания на то, что ее кудряшки растрепались; она спрятала лицо у матери на груди и всхлипнула:

— Какая же я все-таки эгоистка! Но, честное слово, я постараюсь стать лучше, чтобы не разочаровать папу.

— Как и все мы, — дрожащим голосом подхватила Мег. — Я слишком много думаю о собственной внешности и не очень люблю работать, но обещаю исправиться.

— А я постараюсь стать той, кем он так любит меня называть — маленькой женщиной. Перестану грубить и хулиганить и попробую исполнять свой долг здесь, а не мечтать о том, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте, — произнесла Джо, думая о том, что сохранять самообладание, сидя дома, гораздо труднее, чем сразиться с парой-другой мятежников на Юге.

Бет ничего не сказала, лишь смахнула слезы синим солдатским чулком и, исполняя свои прямые обязанности, с новыми силами принялась за вязанье, чтобы не терять времени зря; мысленно она пообещала себе, что станет такой, какой хочет увидеть ее отец, когда год придет к своему завершению и он вернется домой.

Молчание, воцарившееся после слов Джо, нарушил жизнерадостный голос миссис Марч:

— А помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима в Небесную Страну» ⁴, когда были маленькими? Вы были в восторге, когда я привязывала вам на спину котомки — полотняные мешочки для лоскутков, давала шляпки, посохи и бумажные свитки, а потом вы странствовали по дому, начиная с подвала, который олицетворял Разрушенный Город, и поднимаясь все выше и выше, на чердак, где строили свой Град Небесный.

— Да, это было здорово, особенно когда нужно было пройти мимо львов, сразиться с Аполлионом и миновать Долину эльфов, — сказала

Джо.

— А мне больше всего нравилось бросать свитки и смотреть, как они катятся вниз по лестнице, — заявила Мег.

— А вот я помню только, что боялась подвала и темного входа, зато мне очень нравились сладкие пирожки, которые мы ели на чердаке, запивая их молоком. Не будь я слишком взрослой для таких вещей, я, пожалуй, с удовольствием поиграла бы в пилигримов снова, — призналась Эми, которая была уже в зрелом возрасте (ей исполнилось целых двенадцать лет) и начала поговаривать о том, что пора бы отказаться от детских забав.

— Для таких игр никогда не бывает слишком поздно, дорогая: все мы так или иначе принимаем в них участие время от времени. Наша ноша — здесь, дорога лежит перед нами, а стремление к добродетели и счастью — тот ориентир, что укажет нам путь, который выведет нас через преграды и ошибки к миру, который и есть подлинный Град Небесный. А теперь, мои маленькие пилигримы, давайте-ка начнем сначала, и не понарошку, а всерьез, и посмотрим, чего вы сумеете добиться к тому времени, как отец вернется домой.

— Правда, мамочка? А где же наши котомки? — осведомилась Эми, начисто лишенная воображения.

— Вы только что рассказывали о своих ношах, все, за исключением Бет. Как мне представляется, у нее просто нет таковой, — отозвалась мать.

— Нет, есть. Моя ноша — это посуда, тряпки и боязнь людей, а еще зависть к тем девочкам, у которых есть красивое фортепиано.

Котомка Бет показалась всем такой забавной, что они уже готовы были рассмеяться, но благоразумно воздержались от этого, чтобы не обидеть сестру.

— Давайте начнем, — задумчиво протянула Мег. — Эта игра — всего лишь очередная попытка сделать добро, и сказка может нам помочь, потому что, хоть мы и стремимся во всем быть примерными, ноша все-таки бывает слишком тяжелой, и иногда мы готовы опустить руки.

— Нынче вечером мы угодили в Трясину Отчаяния, но тут пришла мама и вытащила нас на сушу, как это сделала Помощь в книге, — подхватила Джо, воодушевленная представившейся возможностью

скрасить унылые тяготы своих будней. — Однако нам нужно что-то вроде Свитка Устремлений, как у Христианина. Что скажете?

— Загляните рождественским утром каждая к себе под подушку, и вы найдете там свой свиток, — ответила миссис Марч.

Сестры с оживлением принялись обсуждать новый план. Тем временем старая Ханна убирала посуду со стола, и вскоре на нем появились четыре рабочие корзинки. Замелькали иглы — девушки принялись подшивать простыни для тетушки Марч. Это было крайне скучное занятие, но сегодня вечером никто не жаловался. Сестры согласились с предложением Джо разделить длинные швы на четыре части и, назвав эти отрезки Европой, Азией, Африкой и Америкой, дружно взялись за дело, мимоходом обсуждая эти континенты.

В девять часов девушки закончили работу и, по обыкновению, спели хором, перед тем как лечь спать. Правда, никому из них, кроме Бет, не удавалось извлечь приятные звуки из старого рояля, зато Элизабет умела очень нежно прикасаться к пожелтевшим клавишам, аккомпанируя их незатейливым песенкам. Голос у Мег был звонким, как звуки флейты, и они с матерью вели их маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо постоянно путала ноты, в самый неподходящий момент пуская петуха или срываясь на хрип, чем портила печальную или задумчивую мелодию. Впрочем, так бывало всегда, с того самого момента, как девочки начали издавать первые звуки...

— Свети, свети, маленькая звездочка...

Пение перед сном вошло у них в обычай, поскольку их мать была прирожденной певицей. Ее голос будил дочерей по утрам, когда она, заливаясь, словно жаворонок, занималась хозяйством, и его же они слышали перед сном, потому что, даже повзрослев, не могли отказаться от старинной колыбельной.

¹ Скорее всего, речь идет о произведениях немецкого писателя-романтика Фридриха де ля Мотт Фуке (1777—1843) — «Синтрам и его спутники» и «Ундина». (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

² Просторечное название морозника, травянистого многолетнего растения.

³ Перевод Ю. Корнеева.

⁴ Название книги английского писателя и проповедника Джона Баньяна (1628—1688).

Глава вторая

Серым рождественским утром Джо проснулась первой. У очага не висели чулки, и на мгновение девушка испытала острый укол разочарования, совсем как много лет назад, когда ее маленький чулочек упал на пол, потому что был слишком плотно набит конфетами и сладостями. Но потом Джо вспомнила обещание матери и, сунув руку под подушку, вытащила оттуда небольшую книгу в малиновой обложке. Маленький томик был ей прекрасно знаком: он содержал чудесную старинную историю о лучшей из прожитых жизней, и Джо сочла, что он станет настоящим путеводителем для любого пилигрима, отправляющегося в долгое странствие. Она разбудила Мег громким воплем: «С Рождеством!» и потребовала, чтобы та тоже поскорее заглянула под подушку. На свет божий явилась книга в зеленом переплете; внутри лежала такая же подписанная матерью открытка, как и у Джо, что в глазах девочек придавало подаркам особую ценность. Вскоре проснулись Бет и Эми и после недолгой возни тоже обнаружили небольшие книжицы в серой и голубой обложках. Сестры уселись на постелях и стали переговариваться, а восток в это время наливался розовым светом пробуждающегося дня.

Несмотря на тщеславие Маргарет, у нее была добрая и набожная натура, и это оказывало подсознательное воздействие на ее сестер, особенно на Джо, которая нежно любила Мег и во всем ее слушалась, ведь советы старшей сестры были продиктованы исключительно любовью и заботой.

— Девочки, — серьезным тоном заговорила Мег, переводя взгляд с взлохмаченных волос Джо на две головки в ночных чепцах, застывшие чуть поодаль. — Мама хочет, чтобы мы прочли и запомнили Евангелие, а посему начинать нужно немедленно. Ранее мы были тверды в своей вере, но с тех пор, как папа уехал и война выбила нас из колеи, о многом позабыли. Нет, конечно, вы можете поступать так, как сочтете нужным, но лично я буду держать свое Евангелие на столе,

вот здесь, и каждое утро стану читать понемногу, потому что знаю — это пойдет мне на пользу и поможет пережить очередной день.

С этими словами Мег открыла свою новую книгу. Джо обняла старшую сестру и, прижавшись щекой к ее щеке, тоже принялась за чтение, причем ее живое личико выражало спокойную радость, что случалось довольно редко.

— Наша Мег совершенно права! Эми, давай последуем примеру старших сестер. Я помогу тебе с неизвестными словами, а Мег и Джо объяснят нам то, чего мы с тобой не поймем, — прошептала Бет, на которую красивые книги и пример старших сестер произвели неизгладимое впечатление.

— Мне нравится, что у моей книги голубая обложка, — сообщила Эми, после чего в комнатах воцарилась тишина, нарушаемая лишь негромким шелестом переворачиваемых страниц.

В окна заглянули лучи зимнего солнца; они коснулись склоненных головок и серьезных девичьих лиц, поздравляя сестер Марч с наступившим Рождеством.

— А где же мама? — спросила Мег через полчаса, когда они с Джо торопливо спустились на первый этаж, дабы поблагодарить миссис Марч за подарки.

— Кто ее знает? — отозвалась Ханна. — К нам заглянул какой-то попрошайка, и ваша матушка отправилась вместе с ним, чтобы взглянуть, чем она может ему помочь. В жизни не встречала другой такой женщины, которая бы с легкостью раздавала еду и питье, одежду и дрова.

Ханна появилась в их семье еще в ту пору, когда родилась Мег, и все они считали ее скорее другом, нежели служанкой.

— Думается мне, что мама скоро вернется, так что жарьте оладьи и готовьте остальное, — распорядилась Мег, оглядывая подарки для миссис Марч, сложенные в корзинку и только и ждущие, чтобы в нужный момент их извлекли наружу. — А где же одеколон от Эми? — добавила она, не обнаружив обещанного флакона.

— Эми забрала его минуту назад и унесла. Кажется, она собирается перевязать свой подарок ленточкой или еще как-нибудь украсить, — ответила Джо, шагающая по комнате в новых армейских башмаках, дабы хоть немного их разносить.

— Как славно выглядят мои носовые платочки, не правда ли? Ханна постирала и выгладила их по моей просьбе, а вышивкой я украсила их сама, — похвасталась Бет, с гордостью глядя на неровные буквы, стоившие ей немалых трудов.

— Какая прелесть! Нет, вы только посмотрите — она вышила «мама» вместо «миссис Марч»! — воскликнула Джо, взяв в руки один из платочков.

— Разве это неправильно? Мне показалось, что так будет лучше, потому что у Мег инициалы «М.М.», а мне бы не хотелось, чтобы моими платочками пользовался кто-нибудь еще, кроме мамочки, — пояснила Бет, на лице которой отобразилось нешуточное беспокойство.

— Все в порядке, дорогая. Тебе пришла в голову отличная и к тому же разумная мысль. Теперь никто ничего не перепутает. Я знаю, мама будет очень рада, — поспешила уверить сестру Мег, метнув строгий взгляд на Джо и улыбнувшись Бет.

— А вот и мама. Прячьте корзинку, быстро! — воскликнула Джо, когда хлопнула входная дверь и в коридоре прозвучали чьи-то шаги.

В комнату торопливо вошла Эми; она смутилась, обнаружив, что ее поджидают сестры.

— Где это ты была и что прячешь за спиной? — поинтересовалась Мег, немало удивленная тем, что лежебока Эми в такую рань уже успела побывать на улице.

— Не смейся надо мной, Джо! Я вовсе не хотела, чтобы кто-нибудь узнал об этом раньше времени. Я решила заменить маленький флакон на большой и отдала за него все свои деньги. Нет, правда, я очень стараюсь избавиться от эгоизма!

С этими словами Эми продемонстрировала сестрам изящный флакон вместо прежнего, дешевого; ее смирение и стремление проявлять заботу о других выглядели столь искренне, что Мег не выдержала и обняла ее, Джо назвала «славным малым», а Бет подбежала к окну и выбрала самую красивую розу, чтобы украсить ею подарок младшей сестры.

— Понимаете, после всего, что я прочла и услышала сегодня утром, мне стало стыдно за свой подарок, и потому, едва успев встать с

постели, я побежала в лавку за углом и поменяла флакон, чему очень рада, ведь теперь мой подарок самый красивый.

Снова услышав, как хлопнула входная дверь, сестры опять отправили корзинку под диван, а сами сели за стол, с нетерпением ожидая завтрака.

— Поздравляем тебя с Рождеством, мамочка! Пусть у тебя будет еще много праздников! Спасибо за книжки. Мы немного почитали и собираемся делать это каждый день, — наперебой закричали девочки.

— С Рождеством, мои дорогие доченьки! Я рада, что вы сразу же приступили к делу. Надеюсь, вы не остановитесь на достигнутом. Но, прежде чем мы сядем за стол, я хочу вам кое-что сказать. Совсем недалеко отсюда лежит бедная женщина с крошечным новорожденным ребеночком. Шестеро остальных детей теснятся на одной кровати, чтобы не замерзнуть, поскольку дров, чтобы растопить очаг, в этом доме нет. У них совсем не осталось еды, и старший из мальчиков пришел сюда, чтобы сообщить мне, что они страдают от голода и холода. Вы согласны отдать им свой завтрак в качестве рождественского подарка?

Девочкам ужасно хотелось есть, ведь они ждали завтрака уже целый час, и на мгновение за столом воцарилось молчание, но лишь на мгновение, поскольку в следующую секунду Джо порывисто воскликнула:

— Я так рада тому, что ты пришла раньше, чем мы сели за стол!

— Можно я пойду с тобой и помогу тебе отнести угощение бедным маленьким деткам? — с надеждой спросила Бет.

— Я возьму сливки и оладьи, — подхватила Эми, героически отказываясь от блюд, которые любила больше всего на свете.

Мег уже заворачивала горшок с гречневой кашей и складывала хлеб на большую тарелку.

— Я так и думала, что вы согласитесь, — с довольной улыбкой сказала миссис Марч. — Предлагаю вам всем пойти и помочь мне. Когда мы вернемся, то позавтракаем гренками с молоком, а упущенное наверстаем за обедом.

Вскоре все было готово и они отправились в путь. К счастью, было еще рано, да и шли они переулками, так что заметили их немногие, и потому над странной процессией некому было посмеяться.

Они увидели бедную, голую, унылую комнату с разбитыми окнами, холодным очагом и истертым до дыр постельным бельем, больную женщину, плачущего младенца и жалкую кучку бледных голодных детишек, укрывшихся старым лоскутным одеялом в тщетной попытке согреться.

Описать, с каким восторгом уставились на гостей огромные глазенки, как счастливо улыбнулись посиневшие губы, было решительно невозможно.

— Ах, mein Gott! ⁵ К нам пожаловали добрые ангелы! — прошептала бедная женщина и расплакалась от радости.

— Да уж, ангелы в накидках и варежках, — проворчала Джо, и все дружно рассмеялись.

Спустя несколько минут и впрямь стало казаться, будто в этот дом пожаловали добрые духи. Ханна принесла дрова, развела огонь в очаге и заткнула дыры в окнах старыми шляпами и собственной накидкой. Миссис Марч напоила больную женщину чаем и накормила ее жидкой кашей, а затем перепеленала младенца — с такой нежностью, как будто это был ее собственный ребенок. Тем временем девочки накрыли на стол, усадили детей у огня и стали кормить их, как голодных птенцов, весело болтая и пытаясь понять их забавный ломаный английский.

— Das ist gut! Die Engel-kinder! ⁶ — восхищенно восклицали бедняжки, утоляя голод и согревая посиневшие от холода ручонки у жаркого огня.

Прежде сестер никто не называл ангелочками, и это сравнение им польстило, особенно Джо, которую считали сорванцом чуть ли не с рождения. Словом, все остались довольны завтраком, хоть сестры Марч к нему так и не притронулись. В конце концов они ушли, оставив после себя тепло и уют, и думается мне, что во всем городе не сыскать было других таких людей, которые чувствовали бы себя счастливыми оттого, что отказались от завтрака, удовлетворившись в рождественское утро хлебом и молоком.

— Вот что значит «возлюби ближнего своего как самого себя» ⁷. Знаете, мне это нравится, — заявила Мег, когда сестры стали

раскладывать подарки для матери, пользуясь тем, что она поднялась вверх, чтобы собрать одежду для бедных Хуммелей.

Зрелище получилось не слишком эффектное, но несколько маленьких свертков буквально излучали искреннюю любовь, а высокая ваза с алыми розами, белыми хризантемами и вьющейся лозой, стоявшая посередине стола, придавала ему изысканный, элегантный вид.

— Она идет! Играй, Бет! Эми, открывай двери! Троекратное поздравление маме! — крикнула Джо, пританцовывая от нетерпения.

Мег направилась навстречу матери, чтобы усадить ее на почетное место.

Бет сыграла веселый марш, Эми распахнула двери настежь, и Мег с величайшим достоинством выступила в роли эскорта. Миссис Марч была удивлена и тронута; ее глаза наполнились слезами, когда она рассматривала подарки и читала коротенькие записочки, которые к ним прилагались. Новые домашние туфли были тут же надеты, носовой платок, изрядно сбрызнутый одеколоном Эми, отправился в карман, роза красовалась на груди, а чудесные перчатки пришлись как раз впору.

Действо сопровождалось громким смехом, поцелуями и шутками в простой, но исполненной любви манере, благодаря которой эти скромные домашние празднества бывают столь приятными и их так сладостно вспоминать впоследствии.

После все взялись за дело.

Утренняя благотворительность и поздравления отняли столько времени, что остаток дня был полностью посвящен подготовке к вечерним торжествам. Слишком юные для того, чтобы часто бывать в театре, и недостаточно состоятельные, чтобы позволить себе дорогой реквизит для частных представлений, девочки пустили в ход смекалку. Недаром говорят, что голь на выдумку хитра. Сестры Марч сделали все необходимое собственными руками. Некоторые поделки получились весьма изящными: гитары из папье-маше; старинные лампы, изготовленные из старых масленок, обернутых серебряной бумагой; роскошные мантии, скроенные из старых простыней и переливающиеся жестяными кружочками, вырезанными из консервных банок; доспехи, украшенные драгоценными камнями,

сделанными из тех же жестянок. Большая комната превратилась в место шумного веселья.

Представители сильной половины рода человеческого к участию в представлении не допускались, и потому Джо, к своему огромному удовольствию, исполняла мужские роли, с невероятным наслаждением облачаясь в желтовато-коричневые кожаные сапоги, подаренные ей одним хорошим другом, который знал, что в каждой женщине скрыта актриса. Упомянутые сапоги, старая рапира и камзол с разрезами по бокам, который однажды запечатлел на картине некий художник, были главными сокровищами Джо и принимали участие во всех постановках. Состав труппы был ограничен, и двое ведущих актеров играли несколько ролей одновременно, за что, несомненно, заслуживали уважения: им приходилось разучивать по три-четыре роли, менять костюмы и руководить остальными. Впрочем, это можно было счесть превосходной тренировкой памяти, безобидным развлечением, требовавшим тем не менее долгих часов усердной работы, которые в противном случае были бы бездарно потрачены на праздное шатание, скуку в одиночестве или прозябание в неинтересном обществе.

В рождественскую ночь дюжина девочек устроилась на кровати, которая стала для них бельэтажем; зрители смотрели на занавес из желто-голубого набивного ситца, испытывая самое благожелательное предвкушение. Из-за занавеса доносились шепот и шорох, тянуло дымком от лампы и раздавалось хихиканье Эми, которая от чрезмерного волнения склонна была впадать в истерику. Но вот наконец прозвучал удар колокола, занавес раздвинулся и трагедия-опера началась.

«Мрачный лес», как значилось в театральной программке, был представлен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленой байки, постеленной на полу, и импровизированной пещерой в отдалении. Сводом этой пещеры служила сушка для белья, а стенами — письменные столы. Внутри пылал жаром небольшой горн с висевшим над ним котелком, над которым склонилась старая ведьма. На сцене было темно, и потому отблески пламени придавали ведьме зловещий вид, особенно после того как она сняла с котелка крышку и из него вырвалась длинная струя пара. Спустя несколько мгновений

первый зрительский восторг улегся и на сцене, позвякивая висящим на боку мечом, появился злодей Гуго с черной бородкой, в надвинутой на лоб широкополой шляпе, в просторном плаще и сапогах. Пройдясь несколько раз в явном волнении туда и обратно, он вдруг хлопнул себя по лбу и разразился проклятиями в адрес Родриго, уверениями в страстной любви к Заре и клятвенными обещаниями убить первого и покорить сердце второй. Угрюмые интонации в хриплом голосе Гуго, монолог которого прерывался вскриками, когда чувства брали над ним верх, произвели на аудиторию чрезвычайное впечатление, и она разразилась аплодисментами в тот же миг, когда злодей сделал паузу, чтобы перевести дыхание. Поклонившись с видом человека, привыкшего к всеобщему обожанию, Гуго, крадучись, вошел в пещеру и властно призвал Хейгар, воскликнув:

— Эй ты, ведьма! Ты нужна мне!

Наружу выступила Мег в седом парике из конского волоса, красно-черном платье и накидке, расшитой каббалистическими знаками. Гуго потребовал от нее сварить приворотное зелье, чтобы Зара влюбилась в него без памяти, и еще одно зелье, дабы погубить Родриго. Хейгар ответила ему драматическим речитативом, пообещав и то и другое, после чего призвала к себе призрака, который должен был доставить ей любовный напиток:

Сюда, сюда стремись из дома своего,
Легконогая сильфида, призываю тебя!
Рожденная в розах, вскормленная росой,
Умеющая составлять магические формулы и зелья!
Принеси мне как можно скорей
Тот пахучий любовный напиток,
Что так нужен мне.
Пусть он будет сладким и крепким,
Фея, услышь мою песнь!

За сим последовала негромкая мелодия, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в дымчато-белом одеянии, со сверкающими крыльями, золотистыми волосами и в венке из роз. Взмахнув рукой, она запела:

Вот я и пришла
Из своего небесного дома,

Что стоит далеко, на серебряной луне.
Возьми волшебное заклятье
И хорошо используй его,
Иначе вскоре оно потеряет силу!

Уронив небольшую позолоченную бутылочку к ногам ведьмы, сильфида исчезла. Хейгар разразилась очередным заклинанием, призвав нового призрака, уже далеко не такого красивого: сразу же после громкого удара появился черный бес, который что-то прохрипел в ответ ведьме, швырнул Гуго темную бутылочку и с издевательским смехом растаял в воздухе. Рассыпавшись в благодарностях и сунув зелье за отвороты сапог, злодей удалился, а Хейгар сообщила аудитории, что, поскольку в прошлом он убил нескольких ее друзей, она прокляла его, а сейчас намерена разрушить планы злодея и отомстить ему. Тут занавес опустился и начался антракт. Зрители принялись вкушать сладости и обсуждать достоинства пьесы.

Перед тем как ситцевый занавес снова поднялся, слышался продолжительный перестук молотков, но никто и не подумал жаловаться на задержку, когда стало ясно, какую красоту создал театральный плотник. Сцена была поистине великолепна. К самому потолку вздымалась башня. Примерно посередине было окно, в котором горела лампа; за белой занавеской скрывалась Зара в чудесном серебристо-голубом платье; она ожидала Родриго. Он предстал перед ней во всем великолепии: с каштановыми локонами, в шляпе с пером, алом плаще, с гитарой и, разумеется, в сапогах. Опустившись у подножия башни на колени, Родриго разразился прочувствованной серенадой. Зара ему ответила и после музыкального диалога согласилась бежать вместе с ним. И вот тут наступил кульминационный момент представления. Родриго извлек откуда-то веревочную лестницу с пятью ступенями, бросил один конец Заре и предложил ей спуститься. Девушка робко выбралась наружу через окно, оперлась рукой о плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, но — увы! увы и ах! — забыла о собственном шлейфе. Он зацепился за оконный переплет, башня зашаталась, накренилась и с грохотом обрушилась, похоронив под обломками несчастных влюбленных.

Раздался дружный крик; из-под развалин высунулись брыкающиеся ноги в желтовато-коричневых сапогах, а вслед за ними показалась златовласая головка, воскликнувшая:

— Говорила я вам! Говорила!

Демонстрируя замечательное присутствие духа, дон Педро, жестокий отец Зары, бросился вперед и, вытащив из-под обломков свою дочь, поспешно обронил:

— Не смейтесь! Продолжайте играть, как будто ничего не случилось!

И, приказав Родриго подняться на ноги, с позором изгнал его из пределов королевства.

Хотя и потрясенный падением башни, Родриго бросил вызов пожилому джентльмену, отказавшись ему подчиниться. Его бесстрашный пример воспламенил Зару. Она также отказалась повиноваться отцу, и тогда он повелел заточить обоих в самой глубокой темнице замка. Пришел невысокий толстенький тюремщик с цепями в руках и увел влюбленных с собой. Выглядел он при этом изрядно напуганным, потому что забыл слова, которые должен был произнести.

Третий акт происходил в зале замка, куда явилась и Хейгар, дабы освободить влюбленных и погубить Гуго. Услышав его поступь, она прячется и видит, как он выливает оба снадобья в два кубка с вином и приказывает испуганному маленькому слуге:

— Отнеси их в камеры пленников и передай, что я сейчас приду.

Слуга отводит Гуго в сторонку, чтобы сказать ему что-то, и Хейгар подменяет кубки на два других, совершенно безопасных. Фердинандо, тюремщик, уносит их, а Хейгар вновь выставляет кубок, в который налит яд, предназначенный для Родриго. Гуго, которого после долгих песнопений мучит жажда, выпивает его, лишается рассудка и, попеременно хватая себя то за грудь, то за горло, в конце концов падает ничком и умирает, в то время как Хейгар в чрезвычайно сильной, мелодичной песне рассказывает о том, как покарала его.

Сцена получилась по-настоящему волнующей, хотя кое-кто мог бы с полным правом сказать, что неожиданно слетевший парик из длинных рыжих волос несколько смазал впечатление от смерти злодея. Гуго вызывали на бис, и он вышел к зрителям, держа за руку Хейгар, пение

которой было признано куда более выдающимся, нежели актерское мастерство остальных героев, вместе взятых.

Четвертый акт явил зрителям Родриго. Зара бросила его, и он пребывал в таком отчаянии, что готов был заколоть себя кинжалом. Но едва кончик клинка упирается ему в грудь, как под его окном звучит песня, из которой он узнает, что Зара верна ему, однако ей грозит опасность и он может спасти свою возлюбленную, если только пожелает. В камеру бросают ключ, которым Родриго отпирает дверь. В порыве страсти он разрывает кандалы и освобождается, дабы отыскать и спасти свою возлюбленную.

Пятый акт открывает бурная сцена между Зарой и доном Педро. Он хочет, чтобы его дочь удалась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и после трогательной мольбы уже готова лишиться чувств. Тут к ним врывается Родриго и просит ее руки. Дон Педро отказывает ему, поскольку юноша беден как церковная мышь. Они кричат друг на друга, яростно жестикулируя, и никак не могут прийти к согласию. Родриго уже собирается увести с собой измученную, обессиленную Зару, но тут входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар, исчезнувшей таинственным образом. Ведьма уведомляет собравшихся о том, что завещала молодой паре огромное состояние. Она грозит дону Педро страшными карами, если тот и дальше будет препятствовать счастью влюбленных. Мешок развязывается. На сцену высыпается несколько пригоршней жестяных денег, и она начинает радостно сиять. Происходящее заставляет сурового отца Зары смягчиться. Без дальнейших возражений он дает свое согласие. Главные герои соединяют голоса в радостном пении, и занавес опускается — прямо на влюбленных, которые преклонили колени перед доном Педро, дабы с одухотворенным и романтическим пылом принять от него благословение.

Воспоследовал гром аплодисментов, неожиданно, впрочем, оборвавшийся, поскольку складная койка, на которой был расположен бельэтаж, вдруг взяла и захлопнулась, поглотив полную энтузиазма аудиторию. Родриго и дон Педро бросились зрителям на помощь, и все до единого были извлечены наружу целыми и невредимыми, хотя многие от смеха лишились дара речи. Едва всеобщее возбуждение улеглось, как появилась Ханна и провозгласила:

— Миссис Марч передает свои поздравления всем присутствующим и приглашает юных леди к ужину.

Ее появление стало сюрпризом даже для актеров, и они обменялись изумленными взглядами. Да, конечно, это было очень похоже на мамочку — доставить им маленькое удовольствие, но о чем-либо столь изысканном они не могли и мечтать — тучные годы остались позади. Актеров и зрителей ждало мороженое — розовое и белое, целых две тарелки, — пирог, фрукты и вызывающие смятение французские конфеты, а посередине стола красовались четыре огромных букета из оранжерейных цветов.

У присутствующих от восторга перехватило дыхание, и они могли лишь молча взирать на стол, после чего перевели взгляды на миссис Марч, которая от души наслаждалась произведенным впечатлением.

— Это постарались добрые феи? — осведомилась Эми.

— Санта-Клаус, — сказала Бет.

— Все это устроила мама. — На лице Мег появилась улыбка, как всегда очаровательная, несмотря на седую бороду и белые брови.

— У тетушки Марч случился приступ щедрости, и она прислала нам все эти угощения, — в порыве вдохновения предположила Джо.

— А вот и не угадали. Все это богатство передал нам старый мистер Лоуренс, — снизошла наконец до объяснений миссис Марч.

— Дедушка мальчишки Лоуренса! Ради всего святого, с чего это вдруг? Мы ведь с ним даже не знакомы! — воскликнула Мег.

— Ханна рассказала о вашем завтраке одной из его служанок. Мистер Лоуренс — странноватый пожилой джентльмен, но эта история доставила ему удовольствие. Он знал моего отца, а сегодня днем прислал записку, в которой выразил надежду, что я позволю ему по случаю праздника передать маленькие подарки моим детям. Я не могла ему отказать, и потому сегодня вечером вас ожидает маленькое пиршество, которое компенсирует завтрак, состоявший из хлеба и молока.

— Все благодаря мальчишке; я уверена: именно он подал своему деду эту идею! Лоуренс-младший — отличный парень, и было бы недурно свести с ним знакомство. Кажется, он тоже не прочь с нами подружиться, но при этом очень робок и застенчив, а Мег у нас такая ханжа и не разрешает мне заговорить с ним при встрече, — сообщила

Джо, когда тарелки пошли по кругу и под восторженные ахи и охи мороженое начало исчезать прямо на глазах.

— Ты имеешь в виду людей, которые живут в большом доме по соседству, верно? — поинтересовалась одна из гостей. — Моя мама знакома со старым мистером Лоуренсом, но, по ее словам, он большой гордец и не желает общаться с соседями. Он не отпускает внука от себя ни на шаг, тот лишь ездит верхом да гуляет со своим наставником. А еще дед заставляет его усердно учиться. Мы приглашали Лоуренса-младшего к нам на праздник, но он не пришел. Мама говорит, что он очень мил, хоть и не заговаривает никогда с нами, девочками.

— Однажды у нас сбежала кошка, а Лоуренс-младший принес ее обратно, и мы с ним немного поговорили через забор. Все шло как нельзя лучше, мы болтали о крикете и тому подобном, но тут он заметил, что к нам направляется Мег, и сразу же ушел. Я непременно познакомлюсь с ним поближе, — решительно произнесла Джо. — Уверена, ему нужно отдохнуть и поиграть.

— Мне нравятся его манеры, и он выглядит как настоящий юный джентльмен, а потому я не возражаю против того, чтобы вы с ним подружились, если представится такая возможность. Лоуренс-младший сам принес эти цветы, и я непременно пригласила бы его к нам присоединиться, если бы точно знала, что происходит наверху. Ему явно не хотелось уходить, когда он услышал радостные крики и смех. Очевидно, этому юноше действительно недостает развлечений.

— Какая жалость, что ты не пригласила его, мамочка! — весело сказала Джо, опустив взгляд на свои сапоги. — Но мы поставим новую пьесу, и Лоуренс-младший обязательно ее увидит. А быть может, даже согласится сыграть в ней вместе с нами. Ну разве это не здорово?

— Мне еще никогда не дарили такого чудесного букета! Какие красивые цветы! — И Мег с большим интересом принялась их разглядывать.

— Они просто великолепны. Но мне больше нравятся розы Бет, — заметила миссис Марч, нюхая увядший цветок, приколотый на груди.

Бет придвинулась к матери поближе и еле слышно прошептала:

— Мне хотелось бы передать свой букет папе. Боюсь, что ему на Рождество совсем не так весело, как нам.

[5](#) Боже мой! (нем). (Примеч. пер.)

[6](#) Как хорошо! Дети-ангелы! (нем). (Примеч. пер.)

[7](#) Евангелие от Матфея [22:39].

Глава третья

— Джо! Джо! Ты где? — кричала Мег, стоя у подножия чердачной лестницы.

— Я здесь! — донесся до нее сверху хриплый голос, и, взбежав по ступенькам, Мег увидела сестру: та ела яблоки и заливалась слезами над «Наследником Редклиффа» [8](#).

Завернувшись в одеяло, Джо устроилась на старом колченогом диване, стоявшем у залитого солнцем окна. Это было ее любимое убежище, именно здесь она предпочитала уединяться, прихватив с собой с полдюжины яблок и хорошую книгу, чтобы насладиться тишиной, одиночеством и обществом ручной крысы по кличке Скраббл, ничуть не возражавшей против ее присутствия. Правда, при появлении Мег Скраббл тут же шмыгнула в нору. Джо смахнула со щек слезы и приготовилась выслушать новости.

— Ты не поверишь! Пришло официальное приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер! — воскликнула Мег, размахивая бесценным листком бумаги, после чего с детским восторгом прочла: — «...миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч на скромном танцевальном вечере, который состоится в канун Нового года». Мама готова нас отпустить. Вот только что мы наденем?

— Можно подумать, ты не знаешь, что мы наденем свои поплиновые платья. Ничего другого у нас просто нет, — ответила Джо с полным ртом.

— Ах, если бы у меня был шелк! — вздохнула Мег. — Мама говорит, что, быть может, подарит мне на восемнадцатилетие шелковое платье, но до этого еще два года — целая вечность!

— Знаешь, наши поплиновые платья выглядят совсем как шелковые, к тому же они нам к лицу. Твое почти совсем новое, а вот я свое прожгла, о чем совсем забыла. И что же мне теперь делать? Дырка бросается в глаза, и заштопать ее не удастся.

— Придется тебе сидеть смирно и ни к кому не поворачиваться спиной. Спереди с твоим платьем все в порядке. А я вплету в волосы новую ленту, и мама одолжит мне свою маленькую жемчужную брошку. Мои новенькие туфли — просто прелесть, да и перчатки тоже ничего, хоть и не такие красивые, как мне бы хотелось.

— А я свои испортила лимонадом, а новые мне взять негде, так что придется обойтись без них, — заявила Джо, которая никогда особо не беспокоилась по поводу своих нарядов.

— Ты должна надеть перчатки, или я никуда не пойду, — решительно произнесла Мег. — Перчатки — это главное, они важнее всего остального. Без них нельзя танцевать, и если у тебя их не будет, я умру со стыда.

— В таком случае я буду сидеть на месте. К тому же балльные танцы никогда мне не нравились. Что за удовольствие — медленно плыть по кругу? Я люблю скакать, прыгать и выделять антраша.

— Ты не можешь попросить маму купить тебе новые перчатки: они очень дорого стоят, а ты — такая беспечная. Когда ты испортила вторую пару, мама сказала, что этой зимой не подарит тебе новую. Неужели с твоими перчатками ничего нельзя сделать?

— Я могу держать их в руке, так что никто не заметит, что они покрыты пятнами. Это все, что я могу сделать. Нет! Придумала! Каждая из нас наденет хорошую перчатку, а испорченную будет держать в руке. Здорово, правда?

— У тебя ладони шире, чем у меня, и ты растянешь мою перчатку, — начала было Мег, для которой перчатки всегда были большим вопросом.

— В таком случае я пойду без перчаток. Мне плевать, что скажут люди! — выпалила Джо и вновь уткнулась в книгу.

— Ладно, ладно, я дам тебе свою перчатку! Только не запачкай ее и вообще, веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не смотри в упор и не восклицай: «Христофор Колумб!» Договорились?

— На мой счет можешь не беспокоиться. Я буду чопорной и строгой и постараюсь не встрянуть в неприятности, если это будет зависеть только от меня. А теперь ступай и ответь на приглашение, а я дочитаю эту чудесную историю.

Итак, Мег отправилась восвояси, чтобы «с благодарностью принять приглашение» и привести в порядок свое платье, беззаботно мурлыча какую-то мелодию и разглаживая свои единственные настоящие кружевные оборки, а Джо дочитала книгу, съела четыре яблока, да еще и успела поиграть со Скраббл.

В канун Нового года в гостиной было пусто и тихо — девочки были наверху. Две младшие сестры исполняли обязанности горничных, а две старшие с головой погрузились в увлекательное занятие — подготовку к танцевальному вечеру. Несмотря на простоту их туалетов, это действие потребовало нешуточной беготни, смеха и разговоров, и в какой-то момент в доме стало нечем дышать от резкого запаха паленых волос. Мег пожелала украсить свою прическу кудрями, и Джо вызвалась завить раскаленными щипцами ее локоны, предварительно накрученные на папильотки.

— Они действительно должны так дымиться? — осведомилась Бет, сидя на кровати.

— Это испаряется влага, — отозвалась Джо.

— Какой странный запах! Словно кто-то жжет перья, — заметила Эми, с видом превосходства поглаживая собственные кудри.

— Ну вот, сейчас я уберу папильотки и ты увидишь облако мелких кудряшек, — сказала Джо, откладывая щипцы в сторону.

Она действительно сняла папильотки, но мелкие кудряшки так и не появились. Волосы Мег отделились вместе с бумажками, и охваченная ужасом парикмахерша выложила обугленные пряди на туалетный столик перед своей жертвой.

— Ой-ой-ой! Что ты наделала? Ты же меня изуродовала! Я никуда не пойду! О, мои волосы, мои бедные волосы! — запричитала Мег, в отчаянии глядя на опаленную щетину надо лбом.

— Вот незадача! Зря ты попросила меня тебе помочь. Я постоянно все порчу. Мне очень жаль, но щипцы оказались чересчур горячими, и у меня ничего не получилось! — простонала бедная Джо, со слезами сожаления глядя на черные ошметки.

— Ничего страшного, — принялась утешать сестру Эми. — Торчащие волосы надо немножко подвернуть, а потом повязать лентой,

так чтобы ее концы слегка ниспадали на лоб. Это последний писк моды. Я видела, так делают многие девочки.

— Так мне и надо! — с раздражением воскликнула Мег. — Нечего было прихорашиваться. Ох, лучше бы я оставила свои волосы в покое!

— Я тоже так думаю. Они были такими гладкими и красивыми. Но не волнуйся, скоро они отрастут, — сказала Бет, подходя к похожей на стриженую овцу сестре, чтобы поцеловать и утешить ее.

После еще нескольких неприятностей, правда, куда меньшего масштаба, прическа Мег наконец была готова. Общими усилиями удалось уложить и волосы Джо, а потом и надеть на нее платье. В своих незамысловатых нарядах сестры выглядели очень привлекательно: Мег была в серебристом платье с кружевными оборками, украшенном жемчужной брошкой, и с голубой бархатной сеточкой для волос, а Джо — в темно-бордовом, с мужским стоячим накрахмаленным воротничком; единственным ее украшением была пара белых хризантем. Каждая надела по изящной светлой перчатке, а вторую, испачканную, зажала в ладони. Глядя на девушек, младшие сестры заключили, что выглядят они «непринужденно и бесподобно». Туфельки на высоких каблуках были малы Мег и причиняли ей нешуточную боль, хоть она и не желала в этом признаваться, а Джо казалось, будто все восемнадцать шпилек воткнули ей прямо в череп, что было не очень-то приятно, но, как говорится, красота требует жертв.

— Желаю приятно провести время, мои родные! — крикнула им вслед миссис Марч, когда сестры, осторожно ступая, зашагали по дорожке. — Не ешьте слишком много за ужином и возвращайтесь к одиннадцати. Я пришлю за вами Ханну.

Когда же калитка за ними закрылась, из окна раздался отчаянный крик:

— Девочки, девочки! Вы взяли с собой носовые платки?

— Да, взяли! Они такие красивые, а Мег еще и побрызгала свой одеколоном, — отозвалась Джо и со смехом добавила, когда они с сестрой зашагали дальше: — Думаю, даже если бы случилось землетрясение, мама и тогда не забыла бы спросить, взяли ли мы с собой носовые платки.

— Она абсолютно права. Если хочешь знать, в этом и заключается подлинный аристократизм. Настоящую леди всегда можно узнать с первого взгляда — по аккуратной обуви, перчаткам и носовому платку, — заявила в ответ Мег, у которой было достаточно собственных маленьких «аристократических привычек».

— Не забудь о том, что ты не должна ни к кому поворачиваться спиной, Джо. С моим поясом все в порядке? А как выглядят мои волосы, не слишком ужасно? — спросила Мег, отходя от зеркала в гардеробной миссис Гардинер, перед которым крутилась уже довольно долго.

— Непременно забуду. А ты, если увидишь, что я делаю что-то неправильно, просто подмигни мне, хорошо? — попросила Джо, поправляя воротничок и небрежно проводя рукой по волосам.

— Нет, подмигивание — это дурной тон. Я просто приподниму брови, если увижу, что ты допустила какую-то оплошность, или кивну, если все будет в порядке. А теперь выпрями спину, расправь плечи и шагай помедленнее. И, если тебя станут с кем-нибудь знакомить, не протягивай руку для рукопожатия. Это неприлично.

— Откуда ты все это знаешь? Правила хорошего тона вылетают у меня из головы. А музыка славная, правда?

И сестры направились в зал, испытывая некоторую робость, поскольку редко бывали на званых вечерах и этот, пусть и довольно скромный, стал для них настоящим событием. Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, ласково поприветствовала сестер Марч и передала их из рук в руки Салли, старшей из своих шести дочерей. Мег была знакома с ней и вскоре освоилась среди гостей, а вот Джо, которая недолюбливала как девчоночьи компании, так и сплетни, осталась стоять в стороне, спиной к стене, чувствуя себя так же неловко, как жеребенок в оранжерее. В дальнем конце комнаты с полдюжины молодых людей с шутками и смехом обсуждали катание на коньках, и Джо отчаянно хотелось к ним присоединиться, ведь коньки были для нее любимым развлечением. Она попыталась было телеграфировать свое желание Мег, но брови старшей сестры так выразительно поползли на лоб, что Джо тут же отказалась от мысли сделать хотя бы шаг в сторону парней. Никто не подошел к ней, чтобы

заговорить. Гости рассеялись по залу, и Джо оставалась в одиночестве. Она не могла отойти от стены и пройтись по комнате, иначе все увидели бы дыру у нее на спине, и потому с отчаянной надеждой смотрела на гостей.

Начались танцы. Мег тут же получила приглашение, и ее тесные туфельки заскользили по полу с такой быстротой, что никто даже не догадывался о боли, которую с улыбкой терпела их хозяйка. Джо заметила, что в ее сторону направляется высокий рыжеволосый юнец, и, боясь, что он намерен ее ангажировать, скользнула в задрапированную нишу, чтобы потихоньку выглядывать оттуда, довольствуясь собственным обществом. К несчастью, еще один отшельник выбрал это место в качестве прибежища, и, когда портьера за спиной Джо опустилась, она оказалась лицом к лицу с «мальчишкой Лоуренсом».

— Господи Иисусе! Я и не подозревала, что здесь кто-то есть! — запинаясь, пробормотала девушка, собираясь как можно скорее ретироваться.

Но юноша, хоть и выглядел слегка ошеломленным, рассмеялся в ответ и любезно сказал:

— Не обращайтесь на меня внимания. Оставайтесь, если хотите.

— А я вам не помешаю?

— Ничуть. Видите ли, я спрятался тут только потому, что почти никого не знаю и чувствую себя не в своей тарелке.

— Я тоже. Не уходите, прошу вас.

Юноша вновь опустился на стул и уставился на свои лакированные башмаки. Через некоторое время Джо снова заговорила, стараясь вести себя вежливо и непринужденно:

— Кажется, я уже имела удовольствие видеть вас ранее. Вы ведь живете недалеко от нас, не так ли?

— Мы с вами — соседи.

При этих словах Лоуренс-младший поднял голову и рассмеялся. Чопорные, строгие манеры Джо показались ему забавными. Юноша вспомнил, как они болтали о крикете, когда он вернул ей кошку.

К Джо моментально вернулось беззаботное расположение духа, и она тоже залилась веселым смехом, а затем сообщила:

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ